

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 94(47+57)"1920-1930"-053.2

doi 10.17072/2219-3111-2018-3-107-115

**ПРОСТРАНСТВО ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-1930Х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)***М. А. Перова*Курганский государственный университет, 640000, Курган, ул. Пушкина, 135
perova_marina91@mail.ru

Цель данной статьи – проанализировать пространство детской повседневности Советской России довоенного времени как важную часть жизненного мира ребенка в период становления нового советского человека, вписать провинциальное детское пространство в общероссийское, сопоставив общее и особенное, проследить влияние материально-бытовой составляющей пространства на формирование будущих строителей Советской империи. Автор учитывает многоплановость пространства, включающего также социальные отношения, интеллектуальный и эмоциональный жизненный мир, но сосредотачивается на материальном аспекте, показывая его «подрывную» и «контрреволюционную» роль в процессе конструирования нового мира и новых ценностей. Опираясь на работы ведущих исследователей истории детства, архивные документы и устные источники, автор показывает влияние пространственного фактора на отношение детей к семье, учебе, противоположному полу, идеологии, на создание образа желаемого будущего. В статье подчеркивается роль человеческого фактора в процессе формирования пространства, который нередко оказывался сильнее установлений власти. Анализируются такие топосы детства, как дом, детский дом, школа, улица, пионер-лагерь. На основании изученных материалов делаются выводы что бедность и неустроенность, окружавшая советского ребенка в школе и дома, а также в детском доме, формировала в большинстве случаев не аскетизм, а, напротив, завышенные притязания, приводила к заикленности на недостижимых материальных благах. Наличие привилегированного пространства - такого, как пионерлагерь, например - прививало мысль о возможности выхода из нищеты благодаря хорошей учебе и общественно-политической активности, в том числе направленной против семьи.

Ключевые слова: детская повседневность, пространство, школа, дом, детский дом, улица, пионер-лагерь.

О предмете истории повседневности до сих пор существуют разные мнения, обзор которых приводит, например, Н.Л. Пушкарева [Пушкарева, 2004]. А. Людтке определял Alltagsgeschichte как «концепцию изучения прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах и на всех "этапах" жизни общества» [Журавлев, 2010] сосредоточив внимание на исследовании повседневных практик рядовых людей. Пушкарева уточняет, что в отличие от исследователей быта «в центре внимания историка повседневности всегда не только и не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас... под повседневностью они (исследователи повседневности. – прим. авт.) понимают не только ... условия жизни и труда, жилище... но и весь спектр соответствующих отношений» [Пушкарева, 2004]. В предлагаемой статье обращается внимание на пространство детской повседневности в Советской России 1920-1930-х гг. При этом рассматривается группа людей, выделяемая не по социальному, а по возрастному признаку, и состоящей из тех, кто не достиг совершеннолетия. Интерес к детям объясняется их положением в качестве объекта усиленного политико-идеологического воздействия и, одновременно, субъекта исторического процесса. Пространство повседневности – это многоуровневое понятие, обозначающее не только материальные объекты, окружающие человека, но и социальные отношения, интеллектуальный и эмоциональный фон, которые в совокупности создают «жизненный мир», влияющий на процесс формирования социальных представлений ребенка [Балашов, 2003, с. 4; Рожков, 2014, с. 24]. Принимая во внимание огромное

количество составляющих целостного пространства, в рамках данной статьи сосредоточимся на его материальном аспекте.

Населенный пункт, дом, места частого посещения обеспечивали условия повседневной жизни [Лелеко, 2002] и конституировали представление человека о мире, влияли на ощущение собственных границ. Как отмечает Рожков, «жизнь в тесноте, еда из одной миски, сон на общей кровати создавали из значительной части рабочей и крестьянской молодежи не поколение убежденных коммунар-коллективистов, а людей с повышенными жизненными притязаниями» [Рожков, 2014, с. 536], т.е., на фоне тотальной пропаганды нового мира и новых ценностей именно материальная составляющая пространства детской повседневности играла значительную «подрывную» и «контрреволюционную» роль. Показателен в этом случае один из примеров в книге А.А. Сальниковой: «Девочки 20 гг... хотели быть коммунистками или комиссарами...: там много жалования получают» [Сальникова, 2007, с. 184].

В российской и зарубежной историографии на сегодняшний день представлено немало исследований советского детства. Так, Л. Холмс [Холмс, 1993] уделяет больше внимание изучению советской школьной системы: в постепенной тоталитаризации советского режима, изменении семейной и школьной политики он видит инициативу родителей, учителей и самих школьников. В качестве «маленьких граждан большой страны» представляет советских детей К. Келли [Келли, 2003]. А. Сальникова [Сальникова, 2007], основывая свою работу на анализе преимущественно личных документов, показывает историю начала XX века и первых лет советской власти глазами детей, делая акцент на гендерных и классовых различиях восприятия ими реальности. А. Рожков [Рожков, 2014] сосредотачивается на исследовании повседневной жизни молодых людей на пороге взросления, уделяя в первой части своей монографии внимание детям-подросткам, и делает вывод о том, что по-настоящему советскими можно считать только детей, воспитывавшихся с младенчества в новом государстве с его новыми ценностями. Большое внимание окружающему школьника и дошкольника пространству уделяет Е. Балашов [Балашов, 2003]. В его исследовании также много места уделено беспризорникам и воспитанникам детских домов – основным героям книги Т. Смирновой [Смирнова, 2015], призванной оправдать обличаемый в период 1990-х гг. миф о счастливом советском детстве. Исследователи, в основном, делают акцент на положении детей в центральной России. Согласно их данным даже в Москве постановления властей не исполнялись, а дети в семьях и детских домах содержались подчас в ужасающих условиях. Отдаленные от нее Курганский и Шадринский округа входили в состав разных территориально-административных единиц. Представляется интересным, во-первых, вписать провинциальное детское пространство в общероссийское, сопоставив общее и особенное в локальной и общероссийской детской повседневности, и, во-вторых, проследить влияние материально-бытовой составляющей пространства на формирование будущих строителей Советской империи.

Большая часть зауральских детей исследуемого периода жила дома с родителями или с опекунами, чаще всего в сельской местности (*Всесоюзная перепись населения*, 1926). Жилищем служила собственная или съемная изба, землянка, квартира (отдельная или коммунальная) в многоквартирном доме (ГАШ. Ф. Р-519. Оп.1. Д. 1. Л. 1). В работах по истории первого послереволюционного десятилетия часто подчеркивается разрыв в образе жизни и мышления между городом и деревней и призыв крепить смычку рабочих и крестьян. Пространство города и деревни отличалось разительно, особенно если речь идет о крупных городах. Однако в Кургане и Шадринске 1920–1930-х гг. визуальные отличия от сельской местности были не так значительны: в них преобладали невысокие деревянные постройки, наряду с частными домами были распространены бараки. Воспоминания горожан об аскетическом устройстве домашнего быта в комнате на общей кухне 1920–1930-х гг. приводит К. Кладова [Кладова, 2014]. Как и сельские жители, большинство курганцев имели огороды и держали скот. Однако город отличался более развитой инфраструктурой, наличием производственных предприятий, доступностью прессы и более разнообразных форм досуга. При этом жизненное пространство конкретной семьи было значительно меньше, чем в деревне. Село же оставалось отрезанным от технических новшеств, таких как кино и электричество. Балашов отмечает, что в наихудших условиях находились деревенские дети: «в 30% деревенских изб живут ...домашние животные, 38,7 % детей спят с другими детьми, 25,5 % спят на полу» [Балашов, 2003, с. 74].

Однако именно село в меньшей степени испытало стресс от постреволюционного изменения пространственной среды: если город в процессе урбанизации подвергался уплотнению, и его пространство сжималось, заставляя человека, в том числе ребенка, приспосабливаться к нему, то перечисленные условия быта сельского населения оставались традиционными. Как и до революции сельчане «жили в простых крестьянских домах из дерева рубленных. Дома были пятистенники – по две комнаты. В одной родители спали, во второй мы. В этой второй комнате была одновременно с нашей спальней и прихожая, и кухня, и приемная». Так вспоминает свое детство В.А. Филимонов, родившийся в 1925 г. в деревне Кузьминовке Куртамышского района (Филимонов, 2016). Хотя, конечно, встречались и более просторные помещения. Сельский дом сохранял традиционную обстановку: самовар на кухне, стол и табуретки от местного плотника, кровать только для родителей, дети – на полатах или на печке, «или, когда набегаешься, на полу тебе постелют, да так и уснешь». При этом интервьюенты отмечают бедность жилища в сравнении с тем, как они живут теперь, но не жалуются на тесноту или неудобства. Деревня в отличие от города предоставляла детям большое открытое пространство вне дома, которое активно использовалось для игр, работы, что компенсировало недостаток квадратных метров в помещении. Тот же Филимонов рассказывал о распространенном явлении – сдаче мест в доме для школьников, ходивших на занятия из соседних сел: «Нас держали те, у кого небольшая семья... делают деревянный настил, чтобы не на полу спали, и все» (Филимонов, 2016). Большого дохода это не приносило, а следовательно, не вызывало особого неудобства: люди вполне свободно могли выделить место в своем маленьком жилище посторонним детям.

Каковым было влияние такого построения домашнего пространства на организацию детского сознания? Прежде всего оно сказывалось на отношении к учебе. В городских квартирах, как пишет Рожков, «многие дети ожидали, когда лягут спать родители и настанет их черед занять стол. Другие не могли днем делать уроки в шумных рабочих общежитиях и были вынуждены засиживаться за учебниками до 3–4 часов ночи [Рожков, 2014, с. 182]. А в деревне, где с освещением дела обстояли плохо, а днем нужно было работать по хозяйству, заниматься учебой было практически невозможно. В результате школа становилась для большинства ребят больше, чем вторым домом: она давала возможность вырваться из замкнутого пространства жилища, почувствовать себя не младшим членом семьи, не имеющим даже кровати, но гражданином, грамотным человеком, строителем и наследником великого социалистического государства. Образование становилось ценностью, путевкой в новую жизнь, а «большинство деревенских школьников не было удовлетворено своими бытовыми условиями и не считало их нормальными ...в 1920-е гг. подрастало поколение, ненавидевшее крестьянский быт» [Рожков, 2014, с. 172]. Это вписывалось в процесс модернизации и раскрестьянивания страны, правительство которой делало ставку на пролетариат.

Однако, поскольку семья оказывает первичное влияние на социализацию ребенка и формирование его представлений о мире и о себе, эффект удручающей домашней обстановки мог быть и противоположным: «40% детей живут в атмосфере домашних ссор, драк, попок... уже в раннем детстве дети копировали увиденное в своих играх, обсуждали услышанное» [Балашов, 2003, с. 75], а потом, естественно, переносили их в свою жизнь. Среди детей и подростков было практически нормой курение и употребление алкоголя, в том числе с родственниками и родителями. В связи с этим становится понятным стремление Советской власти в первые годы после революции вырвать детей из-под вредного влияния семьи и дать им общественное воспитание.

Сальникова пишет о широком распространении подростковой проституции [Сальникова, 2007, с. 170], практически все исследователи отмечают распущенность молодежи 1920-х гг. Отчасти это было следствием беспризорности и безнадзорности, отчасти – разрушения моральных установок и традиций. Но была и другая причина, которую отмечает Рожков: «Мужчины и женщины едят, спят, делают все свои отправления совершенно открыто. <...> Неудивительно, если молодежь вырастает с привычкой не стесняться своей половой жизни» [Рожков, 2014, с. 171]. Обратной стороной становилось неприятие домашнего быта: развивалось своего рода ханжество, отрицание плотской любви, сосредоточенность на работе и общественных делах (о двух видах восприятия любви девушками пишет А.А. Сальникова [Сальникова, 2007, с. 201]). Еще одно следствие взросления в рамках пространства сельской избы – неизбежный внутренний конфликт

ребенка при столкновении домашних традиций, как правило, религиозных, и прививаемых в школе коммунистических и атеистических ценностей. Некоторые дети делали однозначный выбор в пользу того или иного мировоззрения, но большинство учились приспосабливаться и лгать.

В начале 1920-х годов о национализации детей рассуждали совершенно серьезно: это позволило бы вырвать молодое поколение из-под влияния традиционной семьи и освободить женщин для производительного труда. «Дети расценивались как "образцовые носители нового социального порядка" [Сальникова, 2007, с. 50], на них делали ставку как на поколение, с малых лет впитавшее в себя коммунистические ценности и не знающее других. Идею создания детских садов и яслей для всех детей соответствующего возраста, а еще лучше детских коммун и домов не удалось воплотить в реальность в полной мере, однако примеры функционирования таких учреждений имеются, в том числе, в Зауралье. К 1922 г. в стране насчитывалось около 7 млн беспризорных детей. В Курганском и Шадринском округах, как и по всей России, действовала сеть детских домов, детприемников, ночлежек. По данным на 1923 г. в детских домах по Курганскому округу Уральской губернии воспитывалось 1680 детей (ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 34). Рассмотрим, насколько пространство детского дома или коммуны отличалось от домашнего и в каком отношении.

Об условиях жизни в детском доме можно судить по письмам воспитанников, отчетам сотрудников детских домов и по актам обследования детских учреждений надзорными органами. Основными проблемами, как следует из документов, были, во-первых, отсутствие специально предназначенного для размещения детей пространства, во-вторых, плохое состояние имеющихся помещений и их теснота, в-третьих, антисанитария. Многие детдома не имели собственной бани, и дети были вынуждены обмываться на кухне, тут же стирали и готовили еду (ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 198. Л. 32). За неимением или недостатком кроватей спали на полу в сырых, плохо отапливаемых помещениях, часто без одеял, укрываясь простынями или какой-нибудь ветошью. Ситуация объяснялась недостаточным финансированием или его отсутствием халатным отношением местных властей и персонала детских учреждений к жизни и здоровью бывших беспризорников, неспособностью большинства детей самостоятельно заботиться о соблюдении элементарных норм гигиены и трудового распорядка. Хотя Рожков отмечает, что наряду с пионерами «более приученными к самообслуживанию оказались воспитанники детских учреждений» [Рожков, 2014, с. 185], что было положительным следствием организации детского пространства изолировано от взрослого, когда сами дети несли большую долю ответственности за свой быт, а их повседневная жизнь выстраивалась в соответствии с расписанием, в которое обязательно входили гигиенические процедуры, возможные в условиях проживания, и уборка помещения. «У нас в комнате стало чисто и опрятно, ребята справились... Мы моем через день, и в коридоре каждый день», - пишет в окружной отдел народного образования детдомовец Николай Итальянцев под диктовку товарищей (ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 52).

Однако в большинстве своем жизнь детей в таких учреждениях и окружающее их материальное пространство напрямую зависело от взрослых сотрудников учреждения. Смирнова приводит ужасающие примеры содержания детей в помещениях бывших конюшен и поросятников, без кроватей и теплой одежды, по месяцу не менявших белье и не мывших тело, при том, что на складах хранились и мыло, и постельное, и одежда [Смирнова, 2015, с. 300], а также случаи сдачи сотрудниками в аренду комнат и кроватей в детских домах и других злоупотреблений и проявлений халатности. Такая ситуация была характерна как для центра, так и для окраин. Например, в помещении Каргапольского детского дома – двухэтажном кирпичном здании без стекол из 10 жилых комнат, поделенных на спальни и холодные складочные помещения - проживали «62 человека детей, а считаясь с кубатурой воздуха оно может вместить всего 15-20 человек» (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 354. Л. 15), при этом дети «просят пожертвований, болеют, умирают» (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 354. Л. 43), так как взрослые не принимают никаких мер. Как отметил Л. Холмс, планы властей и то, как понимало и воплощало их в жизнь население, разительно отличались [Холмс, 1993]. В Звериноголовской сельскохозяйственной колонии в 1929 году комнаты были грязными, без умывальников и мебели, а места детям катастрофически не хватало. При этом в акте обследования отмечается, что в населенном пункте много пустующих дешевых помещений, занять которые детскому дому мешает только бездействие его администрации (ГАКО. Ф. Р- 465. Оп. 1. Д. 11. Л. 198).

В итоге детские дома оказывались не более просторны, чем бараки или крестьянские избы, только жили в них «друг на друге» не члены одной семьи, а дети разных возрастов, разного уровня развития и социальных привычек, и скромный сирота мог делить квадратный метр с малолетним преступником. Дестабилизирующим фактором в воспитании нового человека здесь выступало не традиционно религиозное мировоззрение, а с трудом ограничиваемые законы улицы. Неудивительно, что проверяющие комиссии в ходе обследования обращали особенное внимание на присутствие в детском учреждении предметов революционного культа: клуба, ленинской комнаты или ленинского уголка в зависимости от его масштабов – он не только создавал идеологическую основу, но и отвлекал от девиантного поведения. Порой это оказывалось важнее наличия бани или кроватей и отсутствия клопов. Так, в Заключении о состоянии и работе Шадринской детской трудовой коммуны от 1924 г. отмечается, что учреждение «представляет из себя одно целое... несмотря на бедную, почти нищенскую обстановку» и «общественно–политическое воспитание детей стоит на должной высоте» (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350. Л. 485).

Поскольку поместить всех детей в детдома было невозможно, важным топом общественно-политического воспитания была школа. Многие дети проводили в ней около половины своего времени. Именно на образование делался основной акцент в деле формирования нового человека: изданный в 1918 г. декрет «О единой трудовой школе РСФСР» предполагал бесплатное светское образование для всех детей школьного возраста вне классового и гендерного подходов (Декрет, 1918). Однако этот документ, как и многие другие, был из области утопии: средств на реализацию проекта с ЕТШ у государства не было. В 1920-е гг. источником финансирования школ было так называемое «самообложение» и средства местного бюджета. Рожков приводит показательные цифры госзатрат на начальное образование в разные годы: они уменьшились с 80% бюджета Министерства народного просвещения России в 1916 г. до 7% бюджета наркомпроса к середине 1920-х [Рожков, 2014, с. 35]. Это отражалось на учебном процессе и материальной стороне школьной повседневности: «Многие школы не имели даже собственных помещений, ученики занимались в 2–3 смены в одном здании с другими школами» [Рожков, 2014, с. 79], пишет Рожков.

Что касается Курганского и Шадринского округов, то нам не встретились сведения о совмещении нескольких школ в здании одной. Зато обучение в две-три смены было широко распространено, а из-за нехватки мест около половины детей школьного возраста не могли посещать уроки. Как и по всей России, школы в Зауралье размещались в непригодных для занятий помещениях — домах учителей, раскулаченных крестьян, зданиях бывших церковно-приходских школ. В материалах о работе Ключевской школы первой ступени Далматовского района за 1923–1925 гг. описываются следующие условия обучения детей: «Помещение Ключевской школы - бывший дом священника. В нынешнем году помещения для учащихся хватает, но в будущем... будет мало, так как теперь ходит только 50% учащихся довоенного времени». (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 86. Л. 3 об.). Примечательно, что до Первой мировой войны детей в Ключевской школе обучалось вдвое больше - это связано не только с сокращением детского населения, но и с общим запустением в период Гражданской войны и пренебрежением вследствие этого к грамотности. Так, Боровская школа, основанная в 1884 году как церковно-приходская, «до 1919 года (т.е. до ухода Колчака с зауральских территорий) не числилась слишком бедной: были и книги и наглядные пособия, но потом, из-за недогляда шкрабов, все исчезло. Крестьяне говорят, что все тащили и школьные работники, и школьный совет, и сторожа, так что к 1922 году остались только 3 или 4 разорванные книги, да медная рукомойка из кухонного инвентаря» (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л. 2). Ситуация с расхищением имущества детских учреждений, о которой пишет Смирнова [Смирнова, 2015], была характерна и для Зауралья.

Однако если большинство исследователей приводят данные о нежелании крестьян и рабочих отдавать детей в школу, тем более, за плату, то в Кургане и Шадринске середины 1920-х гг. встречается немало документов и газетных статей, свидетельствующих об обратном: многие люди были недовольны отсутствием школ в деревнях, требовали прислать учителя, самостоятельно строили школьные здания, закупами учебники: «население категорически требует школу и крайне обижается что у них нет школы и дети остаются неграмотными» (ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 359. Л. 63.). Для неграмотных взрослых образование ребенка означало шанс вырвать его из нищеты их повседневной жизни: так формирование потребностей более высокого порядка зависело от

материальной составляющей окружающего пространства. Среди учителей тоже встречались энтузиасты своего дела. Например, учительница школы подростков при Шадринской школе первой ступени №7 Смирнова добилась получения ссуды в 25 рублей на проведение в школу электричества (ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 2. Л. 81), тогда как большинство школ освещалось керосиновыми лампами (Комарский, 2016).

Предметное пространство, в том числе школьное, влияло также на состояние здоровья детей. Имеется в виду «недостаточная кубатура классных помещений; непригодность школьных зданий для проведения занятий; недостаточное освещение; обучение в две смены; неприспособленная к росту учащихся мебель. Поколение учащихся 1920-х годов в целом характеризуется довольно низким уровнем физического развития» [Рожков, 2014, с. 186], в результате страдал и интеллект. Рожков приводит данные исследований советских психотехников в 1920–1930-е гг., согласно которым средний советский школьник отставал по умственному развитию от американского на 7%, хотя эти сведения варьировались в зависимости от социального положения [Рожков, 2014, с. 116]. Как отмечает Балашов, на интеллект влияло также длительное пребывание в беспризорной среде, через что прошли многие дети исследуемого периода. «В условиях, когда вся жизнедеятельность направлена на удовлетворение примитивных физиологических потребностей.. масса беспризорных детей в возрасте 10 – 15 лет в своем интеллектуальном развитии не поднимается выше 8 – 10 лет» [Балашов, 2003, с. 65].

Кроме физической и духовной нездоровости пространство, осваиваемое детьми, было слишком маленьким, нередко в пределах одной деревни, а зимой, в случае нехватки теплой одежды, – и одной тесной избы. Уму и воображению для развития не доставало пищи во всех смыслах этого слова.

Когда в начале 1930-х гг. был объявлен переход ко всеобщему начальному образованию и бюджет стал выделять на него некоторые средства, началось постепенное улучшение обстановки в детских учреждениях. Если в начале 1920-х гг. большинство школ с трудом получали помещение для занятий, и это уже означало в некотором роде благополучие, то со временем наметился рост потребностей: повышение коэффициента освещения, оборудование специальных кабинетов и лабораторий, переход к односменным занятиям. Но вплоть до начала Великой Отечественной войны в средствах массовой информации и отчетах шла речь о необходимости «создать первейшие условия для нормальной работы как для детского коллектива так и педколлектива: сделать школу теплой, вторую смену светлой – обеспечить электричеством или висячими керосиновыми лампами» (ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 24), а в актах обследования фиксировались случаи ужасающего состояния школ, о чем свидетельствуют как местные документы, так и историография [Балашов, 2003, Рожков, 2014, Смирнова, 2015 и др.].

Кроме помещений для учебы и жизни, безусловно, важной частью пространства детской повседневности была улица. С революцией старые доминанты разрушаются: место символического центра села занимают теперь не церковь и барский дом, а сельский совет, школа и колхоз, в городах – партийные учреждения, производственные предприятия и организации, а общий пейзаж формируют низкие одноэтажные здания вдоль узких немогущих (за исключением центральных) улиц. И если по показателям обустроенности школ и домашнего уюта городские дети порой опережали деревенских, то улица меняла расклад. При этом улица для многих девочек и особенно мальчиков 1920-1930-х гг. была одним из основных мест препровождения времени после уроков, пока их родители работали, и на каникулах. Как пишет Смирнова, «некуда деваться» - такими словами охарактеризовали свой досуг почти все подростки... в ноябре 1932 года... в школу их по вечерам не пускают, детских книг у них нет, фильмы в кинотеатрах в основном показывают для взрослых, дома «тесновато», «скучно», заставляют ухаживать за младшими... родители пьют, бьют... В результате многие дети курят, после школы катаются на буферах автомобилей...» [Смирнова, 2015, с. 126]. Школьники сами просили организовать для них интересные кружки, чтобы было чем заняться.

В 1930-е гг. начинали активно создаваться пионерские лагеря. Однако попасть в них мог не каждый ребенок и не каждое лето. Несовершеннолетним гражданам старались обеспечить не только необходимую для выживания обстановку, но и создать условия для отдыха и удовлетворения здоровых потребностей. В частности, лагеря снабжали спортивным инвентарем для разного рода подвижных игр и индивидуальных физических занятий (ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д.

193. Л. 4) Большое внимание стали уделять благоустройству территории (ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 1935. Л. 5.). Например, в Кургане под детский парк решили отвести бывший городской сад и прилегающие к нему усадьбы общей площадью 1,9 гектаров с высадкой по периметру декоративных растений для защиты от пыли (ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 193. Л. 66)..

Часто дома, где отдыхали дети, когда-то принадлежали семьям зажиточных людей, отправленных в ссылку, исправительно-трудовой лагерь или расстрелянных, что формировало в детях восприятие действительности сквозь призму классового неравенства. Так в 1935 г. в Веденский сельсовет привезли три дома, ранее принадлежавших кулакам, и отдали их под детский лагерь

(ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 193. Л. 132). В первую очередь в пионер-лагерь попадали пионеры, дети ударников труда и партийных функционеров - каникулы в таком специализированном пространстве становились привилегией: «Обязать руководителей хозяйств, профсоюзных организаций приобрести путевки для детей лучших ударников производства... отправлять только по рекомендации пионеротрядов школ» (ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 193. Л. 32). Как и основные расходы на образование, устройство детского отдыха ложилось на плечи родителей и организаций, где они работали (ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 193. Л. 56).

Исходя из изложенного можно сделать некоторые выводы. В 1920-е гг. выявились «два различных культурных типа советских школьников — «буржуазно-демократический» и «уравнительно-социалистический» [Рожков, 2014, с. 142] и материальное пространство сыграло в этом едва ли не доминирующую роль наряду с учителями и воспитателями или вопреки им. Дети либо привыкали к революционному аскетизму, либо (что чаще, как показывают данные опросов, приводимые исследователями) [Балашов, 2003, Рожков, 2014, Смирнова, 2015 и др.] мечтали хорошо одеваться и жить в комфорте. Показательна в этом отношении знаменитая «пионерская дискуссия» по поводу заявления девочки, что она мечтает быть киноактрисой, чтобы жить в славе и роскоши [Рожков, 2013]. Как в центре, так и в провинции в сфере заботы о детстве и образования значимую роль играло отношение взрослых к работе с детьми, их способ организации пространства и способность воспринимать установки властей. Жители Зауралья с большим пониманием относились к реформам образования и требовали удовлетворительного содержания и обустройства школ (вероятно одна из причин - исторически достаточно свободное положение этого региона: отсутствие крепостного права, многоземелье, развитое купечество, Транссибирская железнодорожная магистраль). Разница между городским и сельским пространством здесь, хотя и присутствовала, была не столь существенна, как в крупных столичных центрах, поскольку горожане жили в основном в одноэтажных деревянных домах и занимались огородничеством, держали скот. Различие заключалось в большей тесноте пространства в городе, доступности городским детям расширенного спектра развлечений, меньшей загруженности детей работой по дому, занятости их родителей на производстве. Исходя из этих различий, город давал больше возможностей, чем село, потому на окраине, как и в центре, дети мечтали вырваться из деревенского быта, что часто служило мотивацией к учебе.

Проживание на маленьком пространстве совместно с взрослыми оказывало влияние на отношение к противоположному полу, восприятие личного пространства, формирование вредных привычек или их отсутствие, усвоение гигиенических норм, а также обостряло идеологические противоречия между представителями разных поколений. От последнего были освобождены обитатели детских учреждений интернатного типа, однако и там материальные условия содержания детей за редким исключением не соответствовали желаемым. То же обстояло со школами. Неудовлетворительное состояние окружающего бытового пространства оказывало влияние на физическое и интеллектуальное состояние детей, и, кроме того, формировало шкалу их притязаний и отношение к существующему строю. У большинства детей, выросших в тяжелых бытовых условиях, преобладали не идейные ценности, а материальные, «мещанские», связанные с желанием жить лучше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Воспоминания. Комарский И.А. 1927 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
Воспоминания. Филимонов В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Справочник статистических показателей. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_26.php. (дата обращения: 16.07.17).

Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–239; Д. 198. Л. 32; Д. 11. Л. 40–262; Д. 121. Л. 210; Д. 193. Л. 4–132; Д. 1935. Л. 5; Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–24.

Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л. 2; Д. 86. Л. 3; Д. 350. Л. 36–485; Д. 354. Л. 15–43; Д. 359; Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 2. Л. 81; Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Декрет ВЦИК от 16.10.1918 «Об Единой Трудовой Школе РСФСР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18543#011652937328630553> (дата обращения: 27.02.18).

Библиографический список

Балашиов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 236 с.

Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // А. Людтке. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОСПЭН, 2010. С. 3–28.

Кладова К.Ю. Детская повседневность города Кургана 1930-х годов в устных источниках // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск: изд-во Нижневартовского ун-та, 2014. Ч. 9. С. 172–192.

Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств, 2002. 320 с.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. URL: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (дата обращения: 27.02.18).

Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х гг. М.: НЛО, 2014. 640 с.

Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: История, теория и практика исследования. Казань: изд-во КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.

Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: ИРИ РАН; Центр гум. инициатив, 2015. 384 с.

Холмс Л.Ю. Социальная история России: 1917–1941 / пер. Л.А. Вертоградовой, А.П. Захаровой. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 144 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.07.2017

SPACE OF CHILDREN'S DAILY LIFE OF THE SOVIET RUSSIA OF THE 1920s-1930s (ON THE EXAMPLE OF KURGAN AND SHADRINSK DISTRICTS)

М. А. Perova

Kurgan State University, Pushkin str., 135, 640000, Kurgan, Russia
perova_marina91@mail.ru

The paper aims at studying the space of children's daily life in the pre-war Soviet Russia as an important part of the child's life during the formation of the new Soviet man, at comparing the provincial children's space and the all-Russian space, and at tracing the impact of the material component of the space on forming the future builders of the Soviet empire. The author considers the diversity of the space, which includes social relations, intellectual and emotional life, but focuses on the material aspect, showing its «subversive» and «counter-revolutionary» role in the process of constructing a new world and new values. Based on the works of the leading researchers of the history of childhood, archival documents and oral sources, the author shows the influence of the spatial factor on the attitude of children to the family, study, opposite sex, ideology, and the image of the desired future. The article emphasizes the role of the human factor in forming the space, which is often stronger than the establishment of power. Home, orphanage, school, street, and pioneer camp as the toposes of childhood are analyzed. The author concludes that, in most cases, poverty and disorder that surrounded the Soviet child formed not asceticism, but inflated claims and led to the obsession with unattainable material things.

Key words: children's daily occurrence, space, school, house, orphanage, street, pioneer camp.

References

- Balashov, E. M. (2003), *Shkola v rossiyskom obshchestve 1917-1927: stanovlenie novogo cheloveka* [School in Russian society 1917-1927: the Formation of the "new man"], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia, 236 p.
- Holmes, L. (1993), *Sotsial'naya istoriya Rossii: 1917-1941* [Social history of Russia: 1917-1941], Izd-vo Rost. un-ta, Rostov-na-Donu, Russia, 144 p.
- Kladova, K.Y. (2014), "Children's daily occurrence in Kurgan of the 1930s in oral sources", in *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source study and historiographic aspects of the Siberian history], Izd. Nizhnevartovskogo universiteta, Nizhnevartovsk, Russia, 315 p.
- Leleko, V.D. (2002), *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [Daily occurrence space in the European culture], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, St. Petersburg, Russia, 320 p.
- Pushkareva, N. L. (2004) *Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti* [Subject and methods of studying the history of «everyday life»], available at: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (accessed 16.07.17).
- Rozhkov, A. Y. (2014), *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov* [In a circle of peers: Life-world of a young man in Soviet Russia of the 1920-ies], NLO, Moscow, Russia, 640 p.
- Rozhkov, A.Y. (2013), "I want to be a film actress": reflections on a pioneer discussion (1929)", *Vestnik Permskogo universiteta*, 2 (22), p. 126-138.
- Salnikova, A. A. (2007), *Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istorija, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the XX century: History, theory and practice of research], KGU imeni V. I. Ulyanova-Lenina, Kazan, Russia, 256 p.
- Smirnova, T. M. (2015), *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoj politiki k realiyam povsednevnoj zhizni. 1917-1940 gg.* [Children of the country of Soviets: From public policy to the realities of everyday life. 1917-1940], IRI RAN; Centr gum. Initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia, 384 p.
- Zhuravlev, S. V. (2010), "The History of everyday life, a new research program of the national historical science", in *Istorija povsednevnosti v Germanii: Novye podhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* [The history of everyday life in Germany: New approaches to the study of labor, war and power], *Sovremennaya nemetskaya istoriografiya*, Moscow, Russia, pp. 3-28.